

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Подписная цена с доставкой и пересылкой:

№	Въ	Томскѣ	и	другихъ	городахъ	6	р.	—	к.	на	примеч.	10	р.	—	к.
9	•	•	•	•	•	4	р.	75	к.	•	•	8	р.	—	к.
6	•	•	•	•	•	3	р.	50	к.	•	•	8	р.	—	к.
3	•	•	•	•	•	1	р.	80	к.	•	•	3	р.	50	к.
1	•	•	•	•	•	—	р.	60	к.	•	•	1	р.	20	к.

Подписка считается с 1-го числа каждого месяца.

За перемѣну адреса многогородняго или многогородній взимается 35 коп.

Такса за объявления: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Для многогородных за строку пятиты впереди текста 30 к., позади 15 к.

Объявления прислуги и рабочих 20 коп. за три строки.

За прилагаемая къ газетѣ объявленія въ Томскѣ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу рубликовъ вѣсомъ не болѣе одного лота.

Контора отирыта ежедневно съ 8-ми часоуь утра до 6-ти часоуь вочера, кромѣ праздникоуь. Телефонъ № 470.

Редакция для личных объяснений съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемые в редакцию статьи и сообщения должны быть написаны четко и только на одной стороне листа с обозначением фамилии и адреса автора. Рукописи, в случае надобности подлежат изменениям и сокращениям. Рукописи, доставленные без обозначения условий вознаграждения, считаются безвозмездными. Статьи, признанные неудобными, хранятся в редакции три месяца, а затем уничтожаются. Малые статьи вообще не возвращаются.

U.S. No. 4 1964
rep. Tonck's

Цена № въ 5 коп.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. ТОМСКѢ ЕЖЕДНЕВНО, ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: *в Томске:* в конторѣ редакціи (угол Дворянской и Ямской пер., домъ «Омбирскому Товариществу Пресеченіе Дѣла») и въ книжномъ магазинѣ П. Н. Макушина; *в Петербургѣ:* въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. Э. Метцль и К^о, Большая Морская ул., д. № 11, Торговаго Дома Бруно Валентини, Екатерининскій каналъ, № 18—27; *в юр. Москвѣ:* въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Мясницкая ул., д. Сытова; *в юр. Варшавѣ:* въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Маршалковская, 130; *в юр. Варшавѣ:* у М. О. Курского, на Білской улицѣ, домъ Тарковского; въ книжномъ магазинѣ В. К. Сохарева и въ типографіи П. В. Орнатскаго. **РАЗРОУКА ГОЛОВОИ ПЛАТИ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.**

незавремени» и т. д. и т. д. Но не обо всем хочу я говорить.

Я просто пытаюсь передать впечатление новой встречи с великим дарованием Чехова.

Наша новейшая художественная литература, в лицъ Леонида Андреева, Федора Сологуба, Зинаиды Гиппиусъ, Александра Блока, Сергея Городецкаго и К°, въ видѣ безчисленныхъ «Шиповниковъ» и «подшиповниковъ»,—эта литература дала намъ не мало хорошаго и новаго, она обогатила насъ новыми словами и яркими мыслями, но она утратила одно ничѣмъ не замѣнимое достоинство: художественную простоту, которая такъ чаруетъ въ произведеніяхъ Чехова.

Новѣйшая литература раздражаетъ, мучительно волнуетъ, безжалостно вскрываетъ язвы сердца и острымъ жаломъ впивается въ мозгъ. Все это нужно и хорошо, но это утомляетъ, обезсиливаетъ, надрываетъ, какъ больного тяжелая хирургическая операція.

Живая дѣйствительность раздражаетъ и волнуетъ еще горше, еще мучительнѣе, и вотъ является горячее желаніе отдохнуть на чемъ-нибудь тихомъ, прекрасномъ, освѣжающемъ. Изъ душныхъ комнатъ переживаемой дѣйствительности, отъ шумящихъ, нудныхъ, безпокойныхъ рѣчей и людей, хочется уйти подъ открытое безмятежное небо, въ тихій, родной садъ, овянный сладкимъ покоемъ.

Мысль (въ который разъ?) возвращается къ Чехову,—на этотъ разъ къ его письмамъ.

Въ небольшой, скромной книжкѣ, изданной на-дняхъ Б. Н. Бочкаревымъ, собрано около 200 писемъ Чехова къ Батюшкову, Веселовскому, Григоровичу, Кони, Короленко, Плещееву и др. Тутъ письма и дѣловыя, и дружескія и шуточно-юмористическія, съ разныхъ сторонъ свѣта, гдѣ былъ Чеховъ: изъ Москвы, изъ Ялты, изъ Иркутска и съ острова Сахалина и съ германскаго курорта Баденвейлера, гдѣ писатель скончался...

Въ письмахъ этихъ много пустяковъ и мелочей, но каждый пустякъ и каждая мелочь озарены и согрѣты солнцемъ Чеховскаго таланта. Многогранная жизнь блещетъ и переливается подъ перомъ покойнаго писателя тысячами всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, какъ море подъ лучами восхода или заката. Истинно-чеховскій юморъ блещетъ тутъ и тамъ всѣми своими безчисленными огоньками...

Читаешь—и отахиваешь душой, точно изъ душныхъ комнатъ вышелъ въ тихій прекрасный садъ, и хочется идти по этому саду дальше, хочется снова и снова побывать въ «Домикѣ съ мезониномъ» и въ «Степи», у «Вѣрочки» и у «Юныча», у «Студента» и «Хорошихъ людей»,—и чувствовать природу такъ-же глубоко и проникновенно, какъ чувствовалъ ее Чеховъ, и ощущать въ себѣ тотъ-же теплый огонекъ глубокой любви и затаенной радости, какой неустанно пылалъ въ благородной натурѣ Чехова...

Г. Вяткинъ.

Тихій садъ.

—Тѣмъ, кто любитъ Чехова.

Бываетъ такъ: въ богато-убранныхъ, ярко-освѣщенныхъ комнатахъ—балъ въ полномъ разгарѣ. Гремятъ музыка, кипитъ веселье, безпечное, бурное, неукротимое. Мелькаютъ смѣющиеся лица, сіяющіе глаза, переплетаются взгляды и руки... Кто-то звонко запѣлъ... Кто-то съ изящнымъ пафосомъ декламируетъ... Тамъ горячо о чемъ-то спорятъ, тамъ провозглашаютъ благородный тостъ и радостно чокаются... На всѣхъ лицахъ—то или иное яркое выраженіе, блескъ глазъ, необычная возбужденность. Общій шумъ, общая приподнятость въ настроеніи, опьяняютъ, утомляютъ, тягучая, сладкая дѣнь разливается по тѣлу,—и вдругъ вспоминаешь, что за окнами шумныхъ комнатъ—тихая и теплая ночь, тихій цвѣтущій садъ, спящія поля, звѣздное небо.

И вотъ, выходя въ садъ.. Онъ темень и тихъ, и полонъ невыразимаго покоя. Деревья кажутся легкими и призрачными, сотканными изъ воздушныхъ тѣней. Блестящія росинки, какъ зерна брилліанта, разбросаны по нему чьей-то невѣдомой щедрой рукой. Трава и листья дышатъ ароматной свѣжестью, словно беззвучно и кротко молятся горящему въ звѣздахъ небу. Пахнутъ резедой и черемухой, отъ рѣчки вѣетъ прохладой, слышно, какъ гдѣ-то въ камышахъ кричатъ коростели, а за рѣчкой, въ густомъ ивнякѣ звенятъ неумолчные соловьи... А еще дальше, по ту сторону рѣки, покоятся безбрежныя молчаливыя поля съ бѣлыми кудрявыми березками, съ голубыми незабудками и васильками, съ кротко-зрѣющими нивами... А надъ полями и нивами широкое-широкое небо, все залитое таинственнымъ и нѣжнымъ звѣзднымъ свѣтомъ...

И вотъ въ душу разомъ вливается что-то удивительно-хорошее, теплое, ласкающее. Не хочется думать ни о чемъ и ни о комъ, хочется только глядѣть, не отрываясь, на это милое небо, на эти тихія поля, на этотъ темный садъ, овянный невыразимымъ покоемъ, и незамѣтно сливаться всѣмъ своимъ существомъ съ вѣчной гармоніей земли и неба, и чувствовать себя неразрывно связаннымъ съ каждымъ атомомъ воздуха, съ каждой былинкой земли...

Просвѣтленное сердце переполняется трепетомъ глубочайшаго восторга, слезы умиленія вздрагиваютъ на рѣсницахъ,—и какими ненужными, какими пошлыми и жалкими кажутся эти возбужденные люди съ ихъ душными комнатами, съ ихъ нехорошимъ, нечистымъ весельемъ, съ ихъ затасканными, облинявшими словами, ходульными и хилыми мыслями, со всей шумихой и неискренностью ихъ ненормальной, недоброй жизни...

* * *

Все это невольно и живо представилось въ моемъ воображеніи, когда я дочиталъ послѣднюю страницу недавно вышедшей въ свѣтъ скромной книжки: «Письма Чехова».

Я не знаю писателя болѣе чуткаго и цѣломудреннаго, болѣе чистаго и обаятельнаго, болѣе близкаго и родного людямъ нашего вѣка, чѣмъ Чеховъ. Идейное содержаніе и плюсы и минусы его художественнаго творчества давно уже выяснены и анализированы критикой самыхъ разнообразныхъ направлений, поспѣшавшей приклеить къ Чехову десятки всевозможныхъ ярлычковъ: «художественный фотографическій аппаратъ», «пѣвецъ тоски по общей идеѣ», «идеалистъ